

**УРАЛЬСКАЯ
ЛИРИКА**

**ВЛАДИМИР
РАДКЕВИЧ**

УРАЛЬСКАЯ
ЛИРИКА

ПЕРМСКОЕ

**КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

**УРАЛЬСКАЯ
ЛИРИКА**

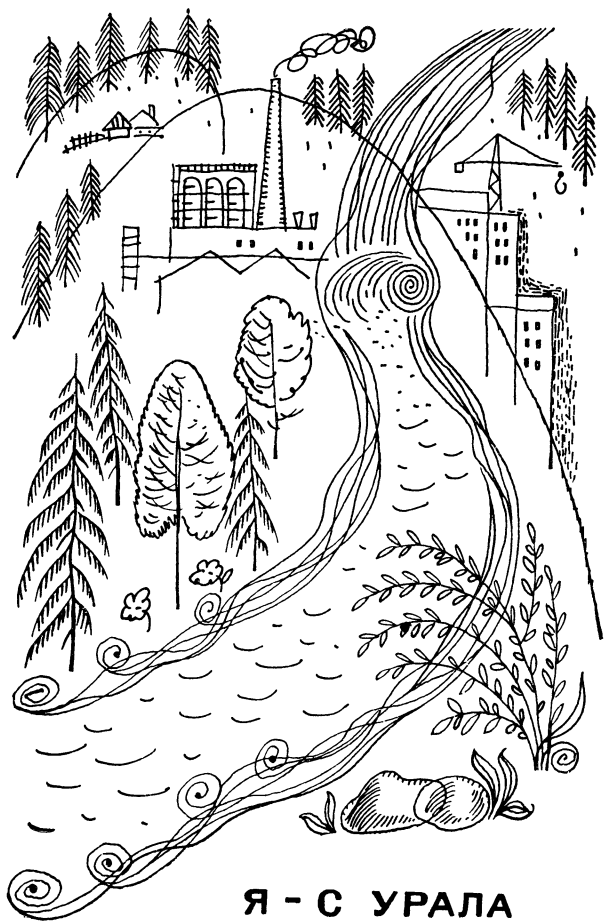
**ВЛАДИМИР
РАДКЕВИЧ**

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1968

«Уральская лирика» — книга поэта, стихи которого уже больше пятнадцати лет знакомы читателям как по журнальным публикациям, так и по отдельным его сборникам.

В книге — новые стихи, объединенные в цикл «Я — с Урала», и стихи из выходивших ранее сборников: «Под звездами» (1964), «Просека к Солнцу» (1958) и «Разговор о счастье» (1954).

Поиски человеческого счастья на трудных дорогах современности — основная тема книги.

Я - С УРАЛА

где живу? —

Да так ли это важно,

где живешь?

Но мне внимание выказать старались
Не потому,

что чем-то был хорош,

А просто потому,

что я — уралец.

Была Москва щедро и широка.

При мне с какой-то непонятной лаской

Одни припоминали Ермака,

Другие —

корпус танковый уральский.

Мы, люди, все немножечко родня,

Будь из Калуги ты,

будь из Казани.

И не было причины на меня

Глядеть,

как на ожившее сказанье.

Я забывал в Москве,

где день, где ночь,

Был старомоден,
 словно фикус в кадке.
Чрезмерно буен.
 До вина охоч,
Имелись и другие недостатки,
Но даже в эти каверзные дни
Во мне самом,
 скорбя и согревая,
Горели Мотовилихи огни
И подступала к сердцу
 Чусовая!
Я понимал,
 что надо жить не так,
А по другому, правильному компасу,
Хотя бы потому,
 что я — земляк
И Ермаку, и танковому корпусу.
В мартенах
 сталь вскипала добела,
И я хотел во что бы то ни стало,
Чтоб и моя поэзия
 была
Частицею уральского металла!
Пусть жизнь меня течением несет
В объятья к людям,
 к горю их, к веселью.
Поэт — как дерево.
 Он только так растет:
Ветвями — к солнцу,
 а корнями — в землю.
Ты ранним солнцем
 землю обними!
Не потому ли
 так она красива,

Что мы живем —
 в Москве или в Перми —
Лишь для нее,
А вместе мы — Россия!
Уралец ты?
 С Уралом будь един.
Пусть он тебя на прочность испытает.
Пусть Кама
 из разгневанных глубин
Заводы и поэзию
 питает.

ЧЕРДЫНЬ ВЕЛИКАЯ

Чердынъ,
Чердынъ Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет, старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль в бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят.
Разгулялись ушкуйники.
Рать вогульскую гнут.
Соболиные шкурки,
Как женщину, мнут.
По становищу шастают,
Ткнув кистень за кушак.
Алексею Тишайшему
Будет добрый ясак!
Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,
Чем в приказе правеж!
Кровью руки омоются.
Но, крестом осеня,
Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.

Очи вороном выпиты.
И ни зги в темноте.
Буквы русские выбиты
На скорбной плите,
И плывет с облаками
Звон в четыре струи.
И дома белокаменны,
Как кости мои.

Этой ночью в гостинице
Я заснуть не смогу.
Лес на Чердынъ не двинется —
Чердынъ двинет в тайгу!
Сдвинут парни российские
Годы, горы, миры —
Словно пули трассирующие,
Вдоль по трассе костры!
Видно, так предназначено,
Чтоб, сквозь время струясь,
Кама около Чердыни
С Печорой слилась.
Здесь с лесным заточением
Свыклась Колва-река.
Тихо моет течением
Камни, кости, века...
Но отбросив подробности,
Я из прошлого рвусь.
Кровью слились народности
В великую Русь!

СТАРАЯ ПЕРМЬ

Пермяки — соленые уши!
Соль на потном тряпье рубах,
Да отчаянный звон полушек
По окраинам, в кабаках.

Возле Камы в глухих кварталах
На помине в ночи легка,
Как преданье, еще роптала
Кровь товарищей Ермака!

Ни поветрий, ни песен новых,
Лишь дороги
 в Сибирь, на Югру.

И, сутулясь, дрожал чиновник
На уральском сквозном ветру.

Трактом дрожки тряслись с имений,
С мясоеда — за балом бал.
Обольстительный дух пельменей
Над дворами Перми витал.

И, предчувствуя сытый отдых,
На перины, как на насест,
Пермь влекла своих жен дородных
И грудастых своих невест...

Но с восходом
 на мировую,

Багровея, не шел закат,
И ложились на мостовую
Тени будущих баррикад.

То, изведав любое лихо,
Смутно грезил про Пятый год
Отгороженный Егошихой
Мотовилихинский завод.

ПЛАЧ О КРОНШТАДТСКОМ ПОЛКЕ

Вдаль несет журавлиная стая
Лето — жизни моей кусок...
А со мною деревня Сая,
Поле чахлое да лесок.

За рекой туманы крошáтся,
Солнца луч прозвенел и смолк.
Вот где встретил я вас, кронштадтцы,
Вросший в землю матросский полк!

Я пройду по лесному оврагу
В обреченный ропот листвы
И на землю сырую лягу,
Где когда-то лежали вы.

Не примите за святотатство:
Просто нужно сегодня мне
Хоть на час, хоть на миг остаться
С вами, мертвыми, наедине.

Молчаливы земля и камни,
Море — дальше день ото дня.
Но дошли же вы до Прикамья!
Значит вы дошли до меня.

Вас на буйную сушу вóйны
Перебрасывали с корабля,
И застыли холмы, как волны,
Там, где встретила вас земля.

Сколько каждому? Сорок? Двадцать?
Не об этом сегодня речь.
Просто

 в жизни нельзя сдаваться,
Лучше замертво в землю лечь.

Побратались в могилах тысячи.
Но еще предстоят бои,
И трава неумело тычется
В оробевшие ребра мои...

РЯБЧИКИ

(Чердынская быль)

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

В. Маяковский.

Охрана персональная
явилась чуть свет:
— Гражданина Алина
доставить в Совет!
— Нет на вас погибели... —
седой, как песок,
вздыхает первой гильдии
уральский купец.
Его у порога,
быстрый, как пожар,
встречает Алпога,
уездный комиссар.
Очи, как буравчики,
насквозь пронзают гостя:
— У вас на складах рябчики,
запасы продовольствия!
По строгому приказу
к такой-то срочной дате
всю птицу буржуазную
Советской власти сдайте!

...Власть до купца недобрая,
и разве ей постичь:
самим царем едомая
чердынская дичь!
Вогулы да зыряны
обшаривали лес,
чтоб в Питер, в рестораны
везли деликатес, —
на царские банкеты,
на их, монарший, суд...

— А в Питере дети
от голода мрут!

...Он не дурак, Аппога!
Ему соврать рискованно:
мол, вы побойтесь бога,
ведь все же конфисковано!
Ведут следы горячие
в болота, за ометики,
а там не только рябчики,
а там и пулеметики.

Тогда себе надгробье
заказывай! Ишь,
как смотрит исподлобья
проклятый латыш!
На бровях подпалина,
морозные глаза...

Гражданина Алина
прошибла слеза:
— Прискорбна доля детская!
Что ж, сотворим добро...
(Известно, что купецкое
чувствительно нутро!)

Утро морозное
летит из-под копыт.
Утро полозьями
по снегу хрустит.
Дорожка завьюжена
(прольешь сто потов).
В Усолье погружено
сто пудов —
мороженная птица,
осенняя, упитанная.
Лети, как говорится,
до самого до Питера!
Смеются по-ребячьи
уральцы-продармейцы:
— Сгодятся детям рябчики,
коль хлеба не имеется!

Делясь пайками скудными,
когда и жмых — еда,
окаменели скулами
с бесхлебья города.
Дороги очерчены
пожарами в ночах —
уже к Перми и к Чердыни
идет Колчак,
чтоб шомпола горячие
свистели по селу,
чтоб подавались рябчики
к царскому столу.
Кровавая дорога
в Москву, как пуля, метится.
И комиссар Аппога
еще с той пулей встретится!
При свете солнца ясного

за Лысьвой, по весне,
его поставят, связанного,
к высокой сосне,
лихой поручик выстроит
карателей отряд..
И на сосне от выстрела
рябчики
взлетят!

СТУДЕНТЫ 41-го ГОДА

Мы — земля, мы — трава, мы — глаза незабудок
и льна,
В чистом поле березы над нами, как сестры,
нагнулись...

На суровую практику нас посылала война,
Мы с войны до сих пор не вернулись.

Мы — в дождях, мы — в слезах материнских
заплаканных глаз,
Мы — простой обелиск, что над братской могилою
замер.

Но мы просим: считайте поныне студентами нас,
Мы сдавали России последний нелегкий экзамен!

Пусть останется в памяти каждый и весел и юн,
Как в то время, когда из студенческих песен и сессий
Вырвал нас навсегда этот год 41-й, июнь,
И поставил пред выбором новых, военных профессий.

Ваша юность — другая. И в песнях другие слова.
И меж нами иные не видят ни капельки сходства.
Но мы в жизнь вашу входим по честному праву
родства
Или, если хотите, по строгим правам первородства.

Ах, какие дожди над осенней Россией опять!
Тихо падают капли с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия, как старая мать, —
Столько лет все не выплачет те материнские слезы...

РОССИЯ

Как ты была добра ко мне, Россия,
Когда для сына долгие века
Струила реки, и леса растила,
И над землей кружила облака.

И чудо, и с хитринкою причудца
В твоей судьбе ясны мне потому,
Что было мне родиться, как проснуться
В твоём, навек единственном дому.

И все ночные страхи, огорченья
Сгорают не приметно и дотла
При свете зорь твоих — от излученья
Радушия, спокойствия, тепла.

А в трудный час, когда мне очень больно
Когда я сам не знаю — жив не жив,
Листвой ты что-то шепчешь сердобольно,
Землицу к свежей ране приложив.

Сестреночки, березки да осинки,
Качают солнце в люльке из ветвей.
И тихо прикасаются травинки
К щеке,
как пальцы матери моей.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевою морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!

Сыну всегда ты спешила на помощь—
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоём огонек.

Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей —
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей.

Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор не легка!
Ты подожди меня, мама родная,
Ты не гаси своего огонька.

1966,
июль

25 ЯНВАРЯ 1967 ГОДА

Вот и все. И теперь
 не приехать к тебе, не согреться
У родного огня, у спасавшего в стужу костра.
Стало тихо вокруг.
 Только слышно биение сердца,
Да, уткнувшись в плечо мое,
 старшая плачет сестра.
Мама, с каждым мгновеньем
 ты дальше и дальше от сына,
И теперь я ничем опечалить тебя не смогу...
Только след у подъезда:
 проехала автомашина,
И по следу — еловые ветки на белом снегу.

* * *

Лишь вспомню — и сразу сорвется
С высоких небес темнота.
У жизни украдо сиротство
И запахи все, и цвета.

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму — насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.

Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

СТИХИ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Я в этом доме — просто гость,
гость у своей жены.
Кипела медленная злость
под видом тишины.
Хоть ты молчи, хоть ты кричи, —
ни ночи нет, ни дня.
Глядели круглые зрачки
куда-то сквозь меня.
А я прозрачным
 быть не мог,
и даже — не хотел.
Но все ж ложился на порог
и под ногой хрустел.
Она рядила вкривь и вкось,
всему была — судья.
А ночью, как собаке кость,
бросала мне себя...
Я словно бы в тяжелом сне
И не поднять руки.
И все по мне,
 по мне,
 по мне
Шагают каблуки.

МЕТЕЛЬ

Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времен.

Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!

Не просто заметь мерзлая,
Ревущая во мгле,
Не просто зависть мертвая
К живущим на земле —

Кричит из белой вечности,
Из звездной мерзлоты
Тоска по человечности
Огня и теплоты!

И вот ко мне доносится
В метельном декабре
Призыв из одиночества,
Как точки и тире.

С каким-то исступлением
Я тот язык учу,

В ответ сердцебиением
Стучу, стучу, стучу.

А если боль запомнится
И будет жить в тебе,
Ну, что ж, заплачь, затворница,
Под волчий вой в трубе!

Кричим друг другу, путаники,
За тридцать земель...
Ведь все мы — просто путники,
Когда метет метель.

ИСХОД

От злого глаза, от чужой отравы
От равнодушья к другу и врагу
Меня спасут языческие травы
На камском древнерусском берегу.

Затмит мои ошибки и промашки,
Кромешное семейное житье
Негромкий запах беленькой ромашки —
Лекарство предпоследнее мое.

Сиянье неба над безлюдным полем —
Такая голубая глубина!
И я здоров. А ежели и болен,
То — только тем,
 чем вся земля больна.

БАЛЛАДА О РОДНОМ ДОМЕ

Год прошел на Земле.
Год. А может быть, век?
Долго в доме родном не бывал человек —
Так случается часто
В космический век.

Что он нажил?
И где он бродяжил и жил?
Может, где-то служил.
Может, просто — тужил,
От знакомых людей в отдалении жил.

Он вернулся домой —
Значит, все не беда!
Он знакомую дверь отыскал без труда,
Да ключи потерял —
Вот какая беда!

Тут в окошко пришлось постучаться ему.
Свет в окошке погас.
Стало тихо в дому.
— Вы к кому? — женский голос спросил.
Вы к кому?

— Это я! — он сказал. —
Я вернулся, жена.
Долго дома я не был,
Но чья тут вина?

Я вернулся, жена...

Тишина.

Тишина...

Лишь березка дрожала листвою у окна.

А в окне, как и прежде, была темнота.

И сказала ему темнота неспроста:

— Я жена, да не та.

И березка не та.

Гасла в небе над ним за звездой звезда,

Осыпаясь на землю осколками льда.

И увидел он сам,

Что попал не туда,

Все чужое вокруг — вот такая беда!

Все чужое вокруг —

Вот такая беда!

И земля расступилась под ним, как вода.

И глаза его стали осколками льда.

Только в сердце чуть слышно мерцала звезда,

Заставляя идти —

Неизвестно куда.

Так о чем же он думал, чудака-человек?

Ведь и сам он не знал:

Год прошел или век?

Для него — целый год,

Для жены — целый век,

Так случается часто в космический век!

И ушел

Неизвестно куда

Человек.

* * *

Ты кому улыбки раздавала?
Птицам, ветру и попутно мне.
Огонек веселый раздувала,
И трещали веточки в огне.
Ты к костру
 тянула руки, греясь.
Были губы теплые — горьки...
Я теперь сижу,
 как погорелец,
И держу в ладошках угольки.

АПРЕЛЬСКИЕ СТИХИ

Я без тебя живу не наяву,
А как мальчишка в ожиданье сказки.
На весь Урал зову тебя, зову —
Аукается где-то в Соликамске.
Легки разлуки — встречи нележки,
Мы просто ждем чего-то по-апрельски...
Но ты уехала.

И от моей тоски
На сотни верст гудят и гнутся рельсы!

* * *

О, эта глупая чувствительность!
Ведь били, кажется, а все ж
Опять как мальчик за действительность
Я принял ласковую ложь,
Когда по горочке покатою
Ты шла в придуманные сны.
И ландыш — лгал как провокатор
Еще бунтующей весны...

ИВАКИНСКИЙ КОНТОРЩИК

Памяти Бориса Пастернака

Еще ни льстивых доброхотов,
Ни криков яростных: — Ату!
В графе приходов и расходов
Не скоро подводить черту.

Вдали, в обугленной Европе,
Вовсю орудует война.
А здесь — рассвет над Камой, копи
И в рост — лесная тишина.

И только сосны вековые
За ним бредут сквозь ветровал.
Он молод. Все ему впервые:
Любовь, поэзия, Урал!

В Москве эстрада рожи корчит,
Являя гениев на свет.
А он — ивакинский конторщик —
Почти неведом как поэт.

Но жизнь подобная полезна!
Еще не дале, чем вчера,
Спас от призыва пол-уезда
Он смелым росчерком пера.

И все ж, Урал,
из сердца вырви
Восторга иступленный крик,
Лесами Всеволодо-Вильвы
Ляг на листы конторских книг.

Ты сам и критик свой и автор —
Твори, ораторствуй, гвозди
И, как обилие метафор,
На горы горы громози!

Поэзия всегда подспудна,
Как под снегами звон ручья,
И пересудам неподсудна,
Поскольку собственность — ничья.

Ей делать человека гордым
И с возрастом не убывать.
А как в ту осень хлынуть горлом —
Еще с полвека
убивать...

ПРОГУЛКА ПО КАМЕ

Хмельны и здоровы пока мы,
Что сбудется с нами — не в счет!
По Каме, по Каме, по Каме
Веселый плывет пароход.

И женщина тихо смеется,
Но дело не только в вине —
У нас незакатное солнце
Танцует на каждой волне!

И солнце стоит за штурвалом
У кромки речной синевы,
Где мы привечаем Уралом
Хороших людей из Москвы.

Не чахлые летние дачи —
От ветра гудит окомом!
А пристань все дальше и дальше,
А мы все плывем и плывем...

Зачем же мне мостик над бездной
К тому отблеставшему дню,
Который я так бесполезно
В себе, постаревшем, храню?

Молиться? Упасть на колени,
Чтоб сызнава — грозы с тайги,

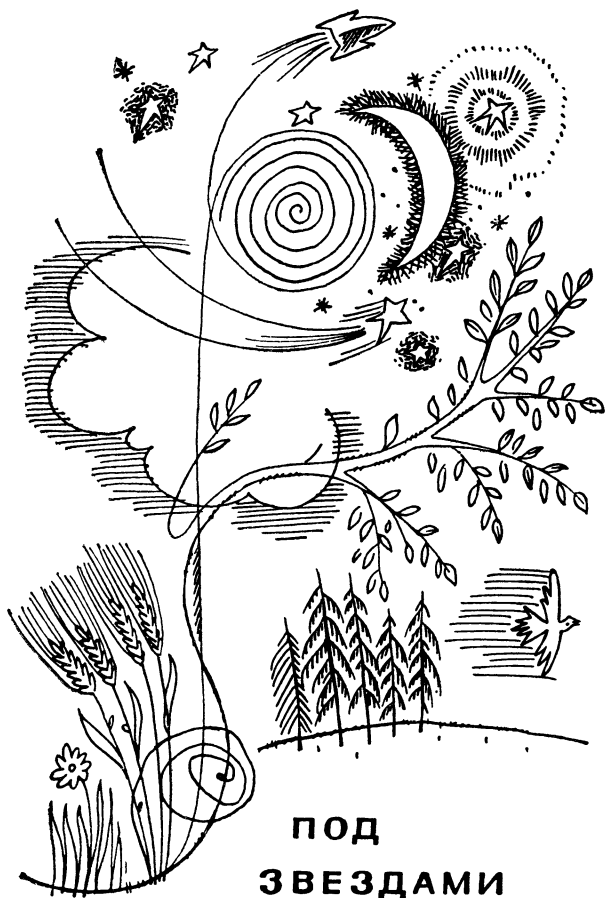
Чтоб рядом Василий Кулемин
Читал, задыхаясь, стихи.

И снова Евгений Поповкин,
Недобрым богам вопреки,
Нашел бы на счастье
 подковку
Упавшей на травы реки...

Плыви ж, пароходик-уралец,
В таежные дебри, в верха,
Чтоб сразу леса отзывались
На крик одинокий стиха!

Века иль мгновения длится
Серебряный этот полет?
Опять на знакомые лица
Тяжелая тень упадет,

И вновь над волной златотканной
Ударит громовый раскат...
Над Камой, над Камой, над Камой
Стремительно гаснет закат...

**ПОД
ЗВЕЗДАМИ**

Там тоже
и любили, и серчали
Рассеянные по иным мирам,
Но по Вселенной мне —
односельчане.

Мы, люди,
за простейшие права —
Жить и любить —
с людьми веками бились.
А вы-то, неземные существа,
А вы-то
счастья у себя добились?

Меня звезда, как родина, зовет.
Я должен долго-долго жить на свете,
Чтобы узнать
 не то, к т о там живет,
А к а к живут...
Вот мне на что ответить!

В УТРЕННЕЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

Она сидела в электричке
Совсем одна среди парней.
Младенца розовое личико,
Как к солнышку, тянулось к ней.

И в мире том, что нам неведом,
Для малыша недель шести
Являлась мать Землею, хлебом,
Началом Млечного Пути.

Гордясь, она и не скрывала
Своей судьбы, своей красы
И лишь платочком прикрывала
Отягощенные сосцы.

Была расстегнута спецовка.
Виднелось белое белье.
Но с целомудрием отцовства
Взирали парни на нее.

Шутили: — Эх и работенка!
— Дает парнишка за двоих!
Потом притихшего ребенка
Взял на руки один из них.

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,

Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал —

Вдыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

ОТ НАС УХОДЯТ СТАРШИЕ

Памяти К. В. Рождественской

От нас
 уходят старшие,
бездвременно почившие —
частицей нашей
 ставшие,
работать нас учившие.
Их сердце остановится,
а нам —
 трудней становится
без очень нежной
 хмурости,
без очень нужной
 мудрости.
И все-таки
 прислушайся:
Земля, как прежде,
 вертится.
В их светлое присутствие
мне почему-то
 верится.
Не верю
 слуху вздорному,
что вот — пришел конец.

Нет, просто
 сердце взорвано
на тысячи сердец,
и новые
 галактики
от взрыва образуются.
И это —
 в их характере,
в посмертной
 их разумности.
Что создано —
 не рушится.
И крепнет
 в нас самих
скорбное содружество
мертвых и живых.

* * *

Для сына я —
 сильнее всех на свете,
и это справедливо до поры.
Пусть долго верят
 маленькие дети,
что взрослые
 всесильны и добры.
Но мучит
 преждевременная память
о том мгновенье призрачного дня,
когда на сына
 будет небо падать,
а он —
 с упреком взглянет на меня.

ТРАКТОРИСТКА

Девчонкою испуганной и тоненькой
Она была, когда ее портрет
Я увидел впервые в кинохронике
Тех памятных послевоенных лет.

Тогда в селе невесты не невестились.
И русской обескровленной земли
Мужицкие тревоги и профессии
Безропотные женщины несли.

Ее в то время выдвигали, видимо,
И вот, попав однажды в колею,
Она, еще робея, шла в президиум
И для газет давала интервью.

Чья голова от славы не закружится?
Она ж совсем девчонкою была.
А после — неудачное замужество,
Бессрочные домашние дела.

— Эй, делегатка! — муж гогочет, тешится.
Слетай за водкой... Сала што ль поджарь!
Не для нее

 пред выступленьем тезисы
Теперь писал партийный секретарь.

Она сроднилась с бедностью,
 как с гордостью.

И так, по той утоптанной стезе,
Прошли года. И списан за негодностью
Друг молодости — трактор ХТЗ.

Но как-то раз весною у околицы,
Когда прохожих ливень гнал в жилье,
Мне встретились две ясноглазых школьницы,
Две возрожденных юности ее.

Как листья,
липли к телу платья влажные.
Но, видно, все им было нипочем!
Они с землею этой были связаны
Рождением, детством, радугой, дождем.

Ну, а земля дымилась, плодородная.
И жизнь бродила в каждом стебельке.
И первый гром, как слава всенародная,
Опять искал кого-то вдалеке.

ОРЕХИ

Он приходил под вечер, в сумерки,
Шепча, что надо в земотдел.
И, в городской измаян сутолоке
Неслышно в кухоньке сидел.

Нам было скучно с ним, молчальником,
На нас взиравшим со скамьи, —
С отцом отца, родоначальником
Мужицкой пахотной семьи.

Да и какими там науками,
Не знавший, как букварь листать,
В беседе с городскими внуками
Он мог бы, в сущности, блистать?

И все-таки мы свыклись вскорости
И подружились. Но как раз
От дружбы с дедом, как от хворости,
Тогда оберегали нас.

Он был для всех не то что врагом,
Но им никто не дорожил.
И бывший мельник — нынче вороном
Над судьбами семьи кружил.

...А дед глядел тепло и ласково,
Таясь и, видимо, боясь,

Что с ним, в ту пору — чуждым классово,
И мы порвем любую связь.

Но были испытанья горшими,
Когда, прощаясь в ранний час,
Ореши добрыми пригоршнями
Он щедро доставал для нас.

И все же — рады ли, не рады ли —
Под взглядом сумрачным отца
Мы пятились. Ореши падали,
Стуча по лесенке крыльца.

...Изба под крышею соломенной,
Где я мальчишкой не играл,
Где дед — с ногой, прикладом сломанной,
Три дня при немцах умирал.

Гуляет ветер под застрехами.
Орешник — вот, всего в версте!
Пойдешь с братишкой за орехами,
Да все — не те... Да все не те!

гор. Белый.
Смоленская область

СТАРЫЙ ПОСЕЛОК

У дороги,
 где в ямах ржавеет вода,
Виден старый поселок —
 дома в два ряда.
Ночь бредет из тайги,
 спотыкаясь о пни,
А в поселке
 ее не отгонят огни...
Дрогнет чуткой ноздрей
 растревоженный лось.
Поумерит медведь неумную злость.
Волчья стая, скуля,
 будет рыскать вокруг —
Слишком грозен еще
 человеческий дух,
Слишком крепок еще
 для лесного зверья
Запах пота,
 солярки,
 железа,
 жилья!
Ночь бредет,
 спотыкаясь у коряжин и пней.
Все темней.
 Но в поселке не видно огней.

Лесорубы оставили эти места —
Здесь работы не стало.

Их совесть чиста,
А поселок уходит
в неизвестную тьму.
И нисколько не страшно ему.
Он свое отслужил.
Он хозяев

с работы встречал.
Он младенцев
в березовых люльках качал.
Слышал песню и ругань,
слышал хохот и стон,
И на свадьбах —
стаканов залиvistый звон.

Он в мороз согревал,
хлеб и отдых давал,
В праздник — двери друзьям
широко раскрывал.
Так прощай, мой товарищ,
поселок лесной!

Дальше еду я
долгой дорогой ночной,
Будут люди другие,
другое жилье...

И сливается с лесом
безмолвье твое.

В КОНТОРЕ ВЫДАЮТ ЗАРПЛАТУ

В час желанной получки
У окошечка в ряд,
Приодевшись получше,
Лесорубы стоят.

На крылечке махоркой
Подымят, помолчат.
За дощатой заборкой
Тихо счета стучат.

Справедливости ради,
Не без важных причин
Самой лучшей бригаде
Уступают почин.

Парни — двадцать от силы.
А подходит черед —
По призыву кассира
Выступают вперед.

За бессонные ночи,
За рабочие дни
Нынче деньги, как почесть,
Принимают они.

Все наряды проверят —
Получать, так сполна!
А поодаль у двери
Ждет кого-то жена,

Кто-то горестно ахнет:
— Все, теперь не уйдешь...
А что деньги не пахнут,
Это — черная ложь!

Кто в лесу не работал,
Лишь тому невдомек,
Что и солнцем и потом
Пахнет летний денек.

Сосны в желтых накрапах,
Пахнут дымом костры.
А на плотбище — запах
Отсыревшей коры.

ПРИЕХАЛИ ФИННЫ

Под утро —

слабенький

стук у дверей:

— К нам финны, бабоньки!

Скорей

на рейд!

Шкафы все — настежь,

летают платья.

— К лицу мне,

Настя?

— О-ох, ладно,

Катя!

А солнце — выше,

жжет соком вишенным.

На берег вышли —

как шелком вышили.

Березок краше,

цветов цветастей

Маруси,

Глаши

и Анастасьи,

Их видел в деле

речной простор.

— Ох,

что надели? —

кричит парторг.

— Эх, работа жаркая,
эх, оплата сдельная, —
замочить

не жалко мне
туфельки модельные!
Выводят

брёвенки —
с багром,
как с посохом,
в сапожках новеньких
идут,

как посуху,
глядят невинно,
бровь
не прихмуривают.

В сторонке финны
стоят покуривают.
Толк

знают сами
в любом заломе —
не здесь,

на Каме,
а там,
в Суоми.

Стоят и сетуют,
покорены:
— Эх, нам бы этаких!
...Самим
нужны!

ЛИВЕНЬ

О ливень, лей — хотя бы до́ ночи,
По листьям, лицам, на авось.
Весна, глаза твои девчоночьи
Меня увидели насквозь.

Ты в небе тучку тянешь волоком —
Как будто нехотя, с ленцой.
И розовеет там, за облаком,
Твое лукавое лицо.

Ты надо мной качаешь веточку.
Ты надо мной хохочешь всласть.
Ах, в блузке в синенькую клеточку,
Скажи, откуда ты взялась?

Но я не удивлен ни капельки!
Ты из заречного села,
С волос роняя искры-капельки,
Ко мне по радуге пришла!

У СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ

Молчаливо

и чуть растерянно,
словно что-то оставил тут,
я стою

у высокого терема,
где учительницы живут.
Нет ни сада, ни огородика,
ни пуховых перин про запас —
только ласковый смех

да родинка
у застенчивых добрых глаз.
Ходу нет

в это царство девичье
деревенской густой тоске.

То ль по-детски,
то ль по-студенчески
здесь живут себе

налегке,
лишь на жаркие споры жадные,
семь Аленушек —

вроде семьи...

До свидания,
милые жаворонки,
горожаночки вы мои!

Вам спасибо
за песни до вечера,

за ночные стихи в тишине,
за ночлег,
до обиды доверчиво
рядом с вами предложенный мне.
И пускай,

зеленея от зависти,
бабы строгие вас корят,
и, что нету у вас хозяйственности,
сыновьям своим говорят —
здесь вам жить да жить,
не стареючи,
не сгорать в осенних кострах.
Мимо окон

Иваны-царевичи
проезжают на тракторах.
И не надо им

огородика
и приданого в сундуке —
лишь бы ласковый смех
да родинка
на прильнувшей к груди
щеке.

В КЛУБЕ СЕГОДНЯ ТАНЦЫ

Отставлены стулья в сторонку.
И первой, раздвинув подруг,
В дешевеньких клипсах девчонка
Влетает в раздавшийся круг.

И охнул баян в изумленье.
Ожег поселковых ребят.
Одни на нее с восхищеньем,
Другие — с насмешкой глядят

Она же от множества взоров
Застыла, смутилась на миг
И бросилась в пляску, как в прорубь,
И тоненько вскрикнула: — Й-их!

Повадкой на лебедь походит,
Всей юною статью берет.
То с вызовом грудью поводит
То вдруг озорно подмигнет.

Мол, как же он бросил такую?
Ведь вот она я — на виду.
Ославил? Так я же танцую.
Оставил? Другого найду.

Девчонка все кружит и кружит,
Платочком махнет голубым:

Мол, кто из нас, миленький, хуже —
Мы это еще поглядим!

Парней разжигает припевкой,
А взгляд и лукав, и лучист.
— Вот девка! Ведь черт, а не девка! —
Бывалый твердит баянист.

И щеки красны, как с мороза.
И горюшка нет ни о ком.
И что она —

пот или слезы —

С лица утирает платком?

В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

В гостинице тепло и многолюдно.
Под лампочкой желтеет пыльный свет.
Заночевать сегодня будет трудно:
Который день свободных коек нет.

Проехать дальше ночью и не мысли.
Что разберешь в кромешной мокрой мгле!
Дожди, дожди... Дороги пораскисли,
Колеса вязнут в жидком киселе.

Который день
здесь люди спят вповалку,
Загромоздив пожитками проход.
Молчат, жуют, вступают в перепалку
И ждут погожий солнечный восход.

Резонно судят о лесных порядках,
О заработках и делах иных.
И, притомясь в дороге,
пьют с устатку
Холодный спирт из кружек жестяных.

Под потолком клубится дым махорки.
И взгромоздясь поверх своих вещей,
Здесь женщины
мужей ругают горько
И кормят грудью бледных малышей.

За пылью дорог
на краю земли
стеною —
пермьяцкий бор...
Сюда в сорок первом
его привезли
и дали в руки топор.
И не было веры
жалким словам
о том, что не виноват.
В тайге, мол,
с скоро увидишь сам:
лес рубят — щепки летят.
Он видел:
идет такая война,
что в тыщах горчайших доль
почти не заметна
и не нужна
его обида и боль.
В Поволжье
на дедовских хуторах
медвяный цветочный дух.

Но прошлое — прах.
И кто тебе враг,
и кто тебе,
немец,
друг?
Гатил он болота.
И строил мосты.
За что ж ему отвечать?
Но жег его
честный немецкий стыд,
как каинова печать.
Он трудную воду
из Камы пил,
ел хлеб неродной земли.
И сосны,
которые он рубил,
с другими в плоты легли.
Нелегкая доля,
немалый срок —
пятнадцать весен и лет.
И снова —
раскрытая даль дорог,
есть паспорт
и есть билет.
Дает пароход
отвальный гудок,
пути выбирать веля.
Так что же
каждой травинкой у ног
держит тебя земля?
Ты добрую воду
из Камы пил,
ел хлеб
вот этой земли.

* * *

Идет весна-распутица,
Распутица — распутница
С гулянками, ухмылками,
С покладистыми милками,
С частушками охальными
Да с вербами пасхальными.
С юбчонками,
прижатыми
У сломанных плетней,
Где можно провожатому
Держаться повольней.
Хоть черен снег, как сажика,
Но это только кажется.
Ну, а весна-то скажется!
Над бабьими страданиями,
Слезами и позорами
Вдруг глянет
стародавними
Российскими озерами.
Всю грязь лучами высушит.
Любовью —
сердце высушит.

* * *

Есть дома-нелюдимы,
Никем не любимы.

Там на песню — запреты.
Там калитки, как щели.
Там читают газеты
Вечерами Кащей.

Упиваются слухами —
Как на льдинку становятся.
Там невесты старухами
В одночасье становятся

И глядятся, немея,
В чьи-то очи холодные.
Только слышно, как змеи
Шипят подколенные.

В этом мертвом затишье
Все надежно упрячут.
То ли дождик по крыше,
То ли — женщина плачет?

ДОБРО

А понятно ли вам,
что добро —
не в тугих кошельках серебро?
Не добро —
за семью запорами,
за оградами и заборами.
Псы цепные,

ощерясь зло,
не добро сторожат,
а зло.

Нынче людям
пришла пора
по-иному желать
добра —
настоящего,

а не ложного,
в сундуки с нафталином
уложенного.

— Добрый день! —
я вам говорю
и смеюсь,

угадав зарю,
Добрый день,
золотое зернышко,
прорастай,
подрастай, как солнышко!

Что ж касается
звезд и месяца,
то они в сундуках
не уместятся.
Звезды
только тогда рождаются,
если в чистых глазах
отражаются.

УЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

В домах за палисадами
иль так, на ходу,
на парня поглядывали,
пророчили беду.

Судачили, не верили
счастью в судьбе.
— Ой, Ваня, рубишь дерево,
ох, не по себе!

— Да ровня вы, нешто? —
разили в упор. —
Она-то инженерша,
а ты шофер...

Ах, кумушки-подружки,
подвох в глазах.
— Повез на легковушке
невесту в загс!

Свадьба хмелем сыпется,
целуется, поет.
А улица

на цыпочки,
на цыпочки встает.

Стервой прожженной
хихикает вслед.

В окне молодоженов
гаснет свет...

По улице мощеной
на майском ветру
женщина с мужчиной
проходят поутру.

А вслед им — сплетни разные,
как пыль из-под ворот.
— Глаза у Вани красные.
— Наверно, пьет!

— Она-то, вишь, невестится,
да выбьет дурь мужик...

Вы,
сплетники и сплетницы,
типун вам на язык!

Вам
цвет лазорев выполоть,
накаркать им беду —
как в мальчугана выпалить
за яблоко в саду.

А что вам видно, ябедники,
с позиции такой?

Уже, смотрите, яблоньки
ломают частокол,

и пеной белоснежною
их лепестки дрожат —
кружат над инженершею,
над Ваней

кружат.

МОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

Пророк, провидец —

свысока

не говорит, а изрекает,
слова из чрева извлекает,
как пятаки из кошелька —
надменно так и так цветисто,
что — хоть колени преклони!
Его глаза мерцают льдисто,
как две холодных полыньи.
А жалко,

был хороший парень!

Так чьим же помыслом благим
хороший парень

нынче спарен

с тем, ослепленным,

с тем, другим,

кто, морщась от житейских будней,
увы, уже не первый год
божком, судьей, святошей, буддой
под именем его живет?
И ни сегодня, и ни завтра
он не поймет свою беду:
идет походкой динозавра
и — вымирает на ходу.

* * *

Л. Давыдычеву

И все-таки

мы в смерть родных не верим,

Она для нас пугающе чужда.

И равнодушны к тягостным потерям

Дарованные вечностью года.

Все тот же день.

Все тот же лист осенний,

Слетев с березы,

кружится легко.

И мы живем в счастливом заблужденье,

Что где-то,

очень-очень далеко,

Еще во ржи звенит кузнечик тонко,

Еще траву босые ноги мнут...

А вдалеке

так радостно и звонко

Нас молодые матери зовут!

ОСИНКИ

Как частый дождичек, росинки
С тревожных листьев оброня,
Лесные золушки, осинки,
Не убегайте от меня.

Я сам, дорожной пылью пачкаясь
И задыхаясь от обид,
Узнал, что горемычных падчериц
Молва людская не щадит —

За ту возвышенную гордость
В чужом доме чужих невест,
Чья молчаливая покорность
Еще упрямей, чем протест.

О да, вы неприметны очень —
До той судьбы, до той поры,
Когда для вас, осинки, осень
Зажжет прощальные костры.

И больше не боясь огласки,
Всем давним недругам назло
Вы вдруг засветитесь, как в сказке,
Так нестерпимо, так светло,

Что с вами — в пламя, без оглядки,
Хотя б на миг, на малый срок...
Лишь у ручья в лесном распадке
Звенит хрустальный башмачок!

Как у тебя глаза поголубели!
Ты стала молчаливей и добрей.
Из мартовских снегов,
 из колыбели,
К нам тянется доверчивый апрель.

Он очень юн. Он о внимание молит,
С надеждою взывая к небесам.
Веселым солнцем окна в избах моет,
А после — солнцем делается сам.

Он нас опять
из дома вызывает
На волю,
в детство,
в давние века,
Где добрую улыбку вызывает
Безбрежностью любого
ручейка.

Как хорошо, что нам апрель напомнил
О счастье
и совсем не поучал:
Он просто небо синевой наполнил
И веточкой в окошко постучал.

А по ночам

девчонки не без риска

Парней впускают в ласковые сны.

И ты глядишь совсем по-матерински

На буйное младенчество весны!

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

* * *

Это — главное зло, что красивая ты.
Никому не тепло от твоей красоты.
Не любя, не скорбя от обид и остуд,
Ты проносишь себя, как хрустальный сосуд.
Тонко льдинки звенят посредине зимы.
Каждый ласковый взгляд — под проценты,
взаймы,
Никому — не жена, никому — не сестра,
Ни во тьму — окрыленность костра.

* * *

И вот — ни счастья, ни беды,
Ни доброты, ни зла.
Глаза горды, меха седы
И шапочка бела.
...В жару, в бреду — глотком воды
Когда-то мне была.

* * *

Как мы любили? Слепо.
Опомнясь от испуга,
Воскресшими из склепа
Глядели друг на друга.

Но в тех оглядках заячьих
И в тех крошечных полночах
Нам было жалко
 зрячих
И все-таки беспомощных!

* * *

Не таились, не каялись,
А сказали: «Прощай!»
Хорошо, что отмаялись,
Да и где этот май?
Только — в беленькой веточке
На ветру за окном.
Только — в горестной весточке
О счастье твоём.

* * *

Очевидно, наступает вечер.
Я иду, и все длиннее тень.
Лишь в дождинке,
 лишь в снежинке вечен
Нашей встречи самый первый день.
Так о ком же
 звон скорбящей меди?
Мы — и не друзья, и не враги.
Ты — как время.
Я зову: — Помедли!
Но все глуше дальние шаги.

* * *

Я становлюсь беднее с каждым днем
И, как бедняк,

я от всего зависим:

От колоса, примятого дождем,
От голоса,

от глаз твоих и писем.

Да, я с тобой

счастливей был стократ,

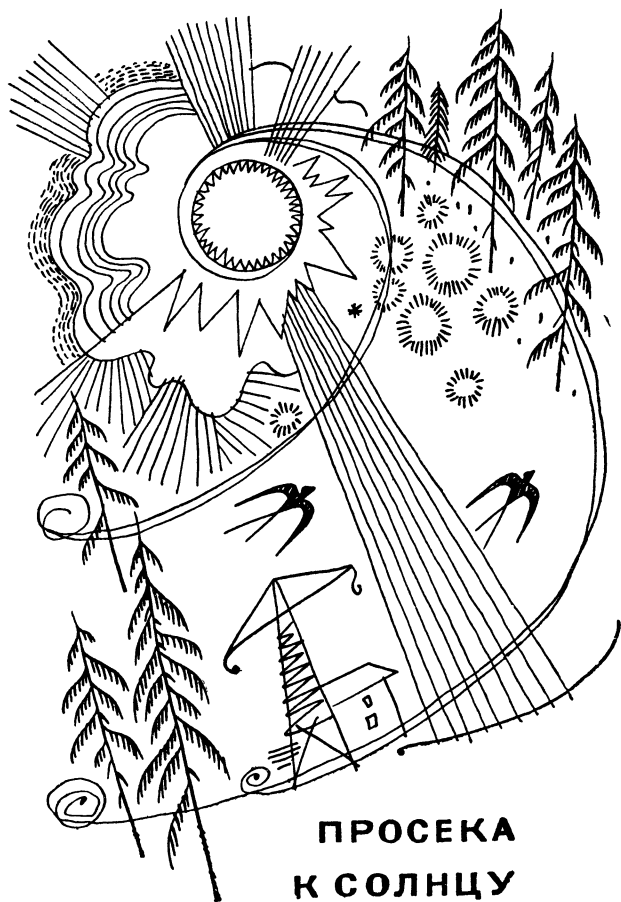
Ты жизнь легко и просто понимала:

Чуть небо хмурилось —

ты насылала град,

А ветер дул —

ты бурю поднимала.

**ПРОСЕКА
К СОЛНЦУ**

УРАЛ

Отсюда, с горного Урала,
Ко славе страстию дыша,
Россия руки простирала
И шла на бреги Иртыша.

Для славы той, не для богатства,
В трудах надсаживая грудь,
Здесь не купцы, а рудознатцы
В тайгу прокладывали путь...

И ныне так же, как и прежде, —
Хотя от всех границ вдали, —
Урал остался порубежьем,
Опорой матери-земли.

В тайге за ржавые болотца,
За гребни скал и глыбы льда
Бесстрашно, как землепроходцы,
Идут на Север города.

Край дальних, трудных расстояний!
Во мгле нахмуренных ночей —
То вспышки северных сияний,
То вспышки доменных печей.

Рассвет над новою Россией
Здесь в каждом новом деле жил,
Рожден раскованною силой
Земных и человеческих жил.

Недаром мощью исполина,
В поту, в огнях, в лесах стропил,
Две части света воедино
Урал навек собой скрепил!

КАМА

Не безответною и сонною, —
Не просто мимо протекла —
Она хозяйкою законною
В твою судьбу, Урал, вошла.
Той работающею молодкою,
Кем держится в достатке дом,
Кто может злою быть и кроткою,
А все же ставит на своем.
Но лишь с делами поуправится
И улыбнется между дел,
Ты так и ахнешь: — Ведь красавица!
Ну как ее не разглядел?..
И Кама мне, уральцу, помнится
Не в блеске гроз, не в хрусте льдов,
А тихою рекою-скромницей
В огнях бессонных городов.
С верхов, лесными захолюстьями
Бежит, начав нелегкий труд.
Таежные речушки устьями
К ней, как устами, припадут.
Блестит на отмелях и камушках,
Но все раздольнее река,
И вот она уж — Кама-Камушка,
Щедра, душою широка!
Сбежались к ней по обе стороны

Поля у каждого села.
Не бойтесь: всем достанет поровну
Ее сердечного тепла!
Плоты несла, в турбины падала,
Сначала поработав всласть,
И, брызгами осыпав палубы,
Бушуя, в море разлилась...
И вновь течет река-красавица,
Вздымая грузные суда,
Туда,
 где с Волгою братается
Ее гудящая вода.

ПРОСЕКА К СОЛНЦУ

Я здесь, в лесах Урала,
Проникнутых безмолвьем и смолою.

Пабло Неруда.

Лес был вокруг.
Был для грибов и ягод.
Для детского протяжного «Ау!»,
Для нужд крестьянских и крестьянских тягот.
Был давней сказкой, зримой наяву.
Дичась,
Он к людям подошел и замер.
Он глухо выл в голодный зимний день
И яростными волчьими глазами
Глядел в хлева притихших деревень.
Морошка, да рябинки-сиротинки,
Да жухлый мох, да ветки до земли.
Звериные тропинки,
Как морщинки,
И вкривь и вкось леса пересекли.
Шел от болот гнилой и прелый запах.
Цвел иван-чай, стелился курослеп.
Держали ели
 солнце
 в цепких лапах:
Был даже полдень
Сумеречно слеп.

Тянуло гарью от лесного пала.
Лежал в ложбинах ноздреватый снег
В июне даже...

...И в леса Урала
На помощь солнцу
Вышел Человек.

Шел реками,
Студеными ключами,
В болотной тине по колена вяз,
В тайге деревья раздвигал плечами —
Сам о себе

слагал былинный сказ.

Дороги строил.
Вел плоты по Каме.
И лес,
Почуя рук его размах,
Послушно становился кораблями,
домами

и огнем в домах...

Теперь,
Как только зорька занималась,
Она хорошим делом занималась.
Не просто солнце землю освещало —
О новом Дне
Торжественно вещало:
Чтоб пилы злились,

тракторы ворчали,

Чтоб люди

День

с достоинством встречали,

Чтоб в темноте не жили-пробивались,
А просекою к солнцу
Пробивались!

Пришел конец таежному безмолвью.
Лес был вокруг.

И было в нем светло.

И стало счастьем,
Радостью,
Любовью
Лучей освобожденное тепло!

СУДА ИДУТ В ВЕРХОВЬЯ

Весенней навигации начало.

К верховьям Камы в рейс идут суда.

С утра на дачных пристанях, причалах
Разноголосый шум.

А рыжая вода
Еще в обломках сброшенного льда
Журчит под сходнями.

По сходням катят бочки,
Пропахшие селедочным рассолом,
И в трюм с остервенением веселым
Матросы грузят в ящиках консервы,
Муку и соль в мешках.

Ведь это первый
Их рейс в году — понятно нетерпенье.
Скорей,

скорей
ответь, сердцебиенье,
Гудку на Каме!

И взлетят платочки
Над берегом, над пристанью,

когда
К верховьям Камы в рейс уйдут суда.
Не лебеди — речные работяги,
Упрямые, живучие на диво,
Они опять пыхтят трудолюбиво,

Подняв

еще не выцветшие флаги.
Ждут новоселов камские верховья.
(В пути немного надо для уюта!)
Махрой пропахли классные каюты,
На палубе у свернутых канатов,
У бочек и у якорных цепей,
Себе мешки наладив в изголовье,
Спят люди. Рядом парни в телогрейках
Играют в карты. Женщина в платочке
Расспрашивает всех о кипяточке
И чайником пустым грохочет.

На корме

Мычит корова, козы тянут «мэ-э»,
Пиликает татарская гармошка,
Смеется белорусская жалейка...
Эх, Кама, Кама, людная дорожка!
Не ты ль встречаешь каждою весною
Гостей из Минска, Киева, Казани,
Не постояльцев — будущих уральцев.
Встречаешь красотой своей лесною,
Тайгой,

хранящей дальний гул сказаний
О Ермаке, о войске Пугачева,
Водой,

то голубою, то свинцовой.
И если в Каме ты воды испил,
Забыть ее тебе не хватит сил!

Меж бакенов сторожко и упрямо
Идут суда к лесным верховьям Камы.
Плывут огни по Каме дальше —

в мгlistый,

Прихлынувший к речным просторам вечер.

И смотрят вдаль,
и расправляют плечи
Шоферы, лесорубы, мотористы.
Ведя дороги, гати и мосты,
Корчуя пни, сметая кривотолки,
В верховьях Камы новые поселки
Построят эти люди.

И плоты
Поднимет с плотбищ вешняя вода,
Меж берегов дрожа от нетерпенья.
Уральский лес рванется в наступленье...
К верховьям Камы в рейс идут суда!

1954

КУВА ОСЕННЯЯ

Не плывут по Куве, чуть кивая, кувшинки,
Не вплетаются в волны

лучей паутинки.

И, как летом, с полей зацветающей ржи
Не летят по утрам над Кувою стрижи.

Берега, где тайга отступает в низины,
Красным градом

усыпали гроздья рябины.

Да плакучий ивняк, да березка иная
Выйдет на берег, ветки в Куву окуная.

Ты течешь — не течешь, ты жива иль мертва?
Мне за белым туманом не видно, Кува.

Только тот, кто назвал тебя мертвой, неправ,
Он не ведал твой буйный безудержный нрав.

В напоенные талыми водами вёсны
Ты несла, как пушинки, столетние сосны,

И они проплывали на синем просторе
Через Камское море —

в Цимлянское море...

Кува — река в Коми-Пермяцком округе. В переводе на русский язык ее название означает «мертвая вода».

А сейчас на угорах поблекла трава,
И от летних трудов отдыхает Кува.

Засыпает она от верхов до низовья,
Голубые леса положив в изголовье.

г. Кудымкар

Пермяцкая парма, лесные просторы,
Зеленые сосны глядятся в озера.
Века приходили, века проходили —
Счастливых
 бесщастные здесь не родили!
Кривое оконце, нужда, недороды.
Землица — скупая, как слезы народа.
Нет, прошлое разве забудется скоро?
...Как чистые слезы — озера, озера.

г. Кудымкар

НА ЛЕСОВОЗНОЙ ДОРОГЕ

Теперь-то я знаю, что стоит тепло!
В знобящий мороз на лесистом угоре
В замасленной стеганке, молча и зло,
Копался шофер в онемевшем моторе.
Кровь с пальцев негнущихся вытер. И встал.
Устало в усы улыбнулся,
И ожил,
Да, все-таки ожил холодный металл
С примерзшими крепко лоскутьями кожи!
А дальше все просто.
Машина ушла
И скрылась за чахлым леском у болотца.
И понял я:
Каждая капля тепла
Лишь с болью,
лишь с кровью и мукой дается.

ОДНОРУКИЙ ПЕЧНИК

Махры не просыпав ни крошки,
Он ловко сигарку свернул.
— А ну, поработай немножко! —
Андрюшке, меньшому, кивнул.

У сына отцовская хватка,
Такой же раздумчивый взгляд.
По-мастерски держит лопатку,
Ровняет, как в ниточку, ряд.

Но, чувствуя важность событий,
Дыханье отца за спиной,
Он хвастает:

— Батя, смотрите,
Как вы, я умею... одной!

«Рука у тебя золотая», —
Отцу говорят мужики.
Эх, как же ему не хватает
Зарытой под Ржевом руки!

В мозолях, из мяса и кожи,
Живую — еще бы одну!
Чтоб в клубе похлопать в ладоши,
Обнять, да покрепче, жену.

...Щекою к шинели припала,
Смеялась, ревела ревмя...

— Ты вот что, Андрюша, — не балуй.
Оно ведь сподручней... двумя!

ДВЕ ВЕСНЫ

Весною по скверу прошел человек.
Он шел, как шагают по первопутку,
Когда на наивный, нетронутый снег
Ступить и приятно и чуточку жутко.
Он был очень юн.

Восемнадцать — от силы.
Весна его в сквере остаться просила,
Ветки акаций преподносила.
Но он все шагал и шагал,

задыхаясь

От ветра в лицо и неначатой песни,
Рукой мимоходом акаций касаясь,
Впервые поняв, что весне он — ровесник.
Казалось, все это еще повторится,
Сто раз повторится, навек сохранится:
И лист тополиный зеленый и клейкий,
Прилипший к ладони,

и в небе зарницы,

И эти вздрагивающие ресницы
Девушки с книгой на ближней скамейке.
И незачем счастье искать неустанно —
Оно же с тобою, за этим фонтаном,
В струящихся искрах,

дразнящих и быстрых,

В вечернем листе

и в парной теплоте;

Оно за тобою легло и сторожко
Крадется по желтым песчаным дорожкам
И прячется рядом в аллеях, в тени, —
Шагни лишь и руку к нему протяни!
...Трава зеленела и снова желтела,
Листва опадала,

и время летело,
Ложился на землю и стаивал снег,
И снова по скверу прошел человек.
Он знал,

что за счастьем шагать и шагать
Все дальше,

натруженных ног не жалея.
Шагать не по этим красивым аллеям —
В гнилые мочажины,

зыбкую гать.
Когда забивает глотку пылица,
Брести, спотыкаясь о корневища.
Вставая и другу вставать помогая,
Чтоб взгляд его

после встречать не мигая.
Старая

и пятки до крови стирая,
Себе на привалах портянки стирая.
И снова готовясь

в любое ненастье
Шагать —

не за счастьем! —
за капелькой счастья,
Что будет не платой поденной и сдельной,
А каплей

на потной рубахе нательной,
Когда не удержишь счастливого вздоха:
— А что же! Ведь вышло-то, в общем, неплохо.

И новая — дальше! — дорога видна...

— Пойдите! — мне скажут, —

А как же весна?

Вот в том-то и суть,

что и в стужу и в зной

Ты встретишься с ней,

С настоящей весной!

БЫСТРЫЕ РУЧЬИ

Я думал: высохли ручьи,
И летний зной
Тому виной.
Как молоды и горячи
Вы были, быстрые ручьи,
Когда горластые грачи
Вас в город принесли весной!
Вас жадно выпили лучи.
Тому виною летний зной,
Акации иссохший куст,
Хруст

горькой пыли на зубах
И пот на тысячах рубрах.
Потом дождей осенних плач,
Промозглый серый день незряч,
И далеко до новых гроз.
Потом —

зима, снега, мороз.
Но и под коркой ледяной —
Ручьи, рожденные весной!..
Вы долго ждали,
чтоб стремглав

Вдруг опрокинуться с небес,
Нас с ног до головы обдав
Звонящей россыпью чудес.

Не зря весну звала капель:
Опять

по вашему велению
Запахла травами панель,
А руки девушек — сиренью.
И ничего, что вы мутны!
Крутятся у маленьких излучин,
Живительный настой весны
Лучами солнца взбаламучен.
Над нами в небе первый гром,
Весенний гром! Нам так и надо,
Чтоб стала щепка кораблем,
А струйка с камня — водопадом.
Чтоб, выйдя из своих квартир,
Мы, люди, вспомнили:
— И все же
Он очень молод, этот мир,
А мы его — еще моложе!

* * *

Я не люблю очередей —
Их жадной давки, скучной склоки,
Блеск выжидающе жестокий
В глазах толкущихся людей.
Но ранним утром у киоска
Я с нетерпением подростка
Вновь разверну газетный лист.
А рядом — токарь и артист
Торопят узнаванья миг,
Глядят с надеждой и опаской.
И стонет и смеется мир,
И пахнет типографской краской.
Я к ним пристраиваюсь в ряд.
Они — за правдой!
Пусть стоят.

* * *

Сентябрьским утром выйди, посмотри:
Стоит березка, над рекой склоненная,
И затаенной лаской изнутри
Вся светится, как девушка влюбленная.
В тяжелых тучах запад и восток,
И так жесток
Сквозной осенний ветер.
А у нее — еще любой листок
Живет воспоминаеньями о лете.

ЧАСТУШКА

Она пройдетя у околицы,
Невидимая в полутьме.
Смеется, дразнится и колетя
И что-то держит на уме.

И вдруг притихнет недалеко
На полуслове, второпях,
И с кем-то ждет заветной встречи
С платком на зябнущих плечах.

* * *

И снова в целом мире ни души!
Мерцает в небе мокрый звездный ковшик.
И только осень листьями шуршит,
В их бурой груди роясь, как старьевщик.
Поднимет, бросит ветру-попрошайке,
И снова тихо. Вот и на селе
Огни погасли...

Тише, не мешайте
Так много поработавшей земле!

УДАЧА

Человеку

удача такая нужна —

Чтоб, костями хрустя, разогнулась спина,

Чтоб поверил он в силы свои до конца,

Ощутил в себе сердце — сердце бойца,

Грудью воздуха полную меру глотнул

И вокруг озаренно взглянул.

Лишь тогда ему истина станет ясна —

Что удача ему

ежедневно нужна,

Потому что родилось в нем

новое что-то,

Необходимое для полета,

И особое свойство в себе он открыл:

Сходство давнее рук человеческих и крыл.

МАТЬ И СЫН

Сколько ни прожито, да счастье нажито!

Зайдет соседка в пуховом платочке:

— Петровна, милая, снова вяжете?

— Носочки!

— Кому?

— Да ему, сыночку...

Сын у мальчишек за полководца.

Весь день на улице, а как умается,

Вбежит с мороза, в колени ткнется:

— Мама, а мы играли в чапаевцев!

— Ну вот и ладно. Надень, Сереженька,
Надень носки, чтоб не мерзли ноженьки!

Десять лет в одночасье прожито.

Пойдешь на почту и скажешь попутчице:

— Посылку отправить хочу! Сережа-то

В городе, на инженера учится.

Недавно писал: «Отметки отличные,

Обо мне не тревожься, все это зряшное...»

А в посылке — коржики, варенье клубничное,

Сережино, любимое, домашнее,

И носки шерстяные:

— Носи, Сереженька,

Носи, родной, чтоб не мерзли ноженьки...

Сама их сыну в рюкзак положила,

Сама и на фронт его проводила.

В носках материнских тепло ему было,
Да пуля проклятая с ног повалила.
А сына убили —
И ноги остыли...

Мелькают в руках проворные спицы.
— Петровна, светает, а вы все вяжете.
Наверно, носочки?

— Да просто не спится.

Кому их вязать-то мне — тоже скажете...

А самой кажется:

Подойдет неслышно, отнимет пряжу,

Шею вдруг обовьет рука его.

В глаза бессонные глянет и скажет:

— Мама, не нужно! Мама, какая вы...

Годы отмечены

Новыми встречами.

Стали глазами сына синие воды озерные.

Стали бровями сына тучи на небе черные.

Стало ясное солнце его теплом и любовью.

Стала ранняя зорька улыбкой его сыновьей,

А зорька разбудит,

пойдешь на поля —

В каждой росинке,

На каждой травинке —

Его кровинка,

Твоя кровинка, Петровна!

Он жив,

Покуда живет земля,

Родная,

любимая,

кровная —

Кровью лучших сынов освященная,

Сердцем всех матерей защищенная.

МОЛОДЫЕ СОЛДАТЫ

Клятву выполнив свято,
 годы, годы подряд
Молодые солдаты
 в чистом поле лежат.
Смолкнул танковый скрежет,
 и вокруг тишина.
А для них, как и прежде,
 полыхает война.
И солдаты остались
 в этой огненной мгле,
Навсегда окопались в родимой земле...
Встаньте,
Гляньте же снова на простор голубой!
Ведь победа давно вам
 протрубила отбой.
Бродит брага в бочонках,
 набухает зерно.
Дома в отчей сторонке
 ждет вас хлеб и вино.
Ждет осенняя пажить,
 кузня в дальнем селе.
Но свинцовая тяжесть
 придавила к земле.
...Журавлиные стаи
 да небес синева.

Из костей прорастает
 молодая трава,
И в ржаной позолоте,
 и в пылице полевой —
Вы встаете,
 встаете
 для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
 вы с землею смогли! —
Сами стали частицей
 нашей русской земли...

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

В. Астафьеву

А ведь было когда-то... было когда-то...
На рассвете пожары поднимали солдата,
И металась в казармах боевая тревога,
И кричал, надрываясь, старшина у порога,
И вставала земля рубежом раскаленным,
Черной оспой воронок на поле зеленом.
И казалось солдату: не время любить!
Мы вернемся еще, может быть... может быть...

А ведь было когда-то, когда-то было...
Ах как эта девчонка солдата любила!
Как бежала в халатике через двор госпитальный,
Не страшась ни насмешек, ни шуточки сальной.
Он ногами чугунными еле вышел из строя
И стоял рядом с нею, медицинской сестрою,
И молчал, недоступен многоглазой обиде,
Кроме ласковых глаз, ничего-то не видя.
Но от губ ее ласковых, но от глаз ее мокрых
Оторвал старшины повелительный окрик.

А ведь было когда-то... Были когда-то
Эти годы и горести, эта юность солдата.
Первым снегом виски у него запорошены,
И детишки-то умные, и жена-то хорошая!

Но ему, семьянину, ночами не спится,
Если глянут из прошлого очи сестрицы.
Под ногой осторожной чуть скрипит половица,
Он к окошку подходит и, сутулясь, садится.
Тихо маятник тикает, над двуспальной качается.
А солдат с молодою любовью встречается,
Не с заботой привычной, не с тоскою чугунной —
С ясной звездочкой раннею и разлукою юной.

ДЕВЧОНКА

Она была живой и жадной,
И жизнь принадлежала ей,
Задиристой, еще нескладной,
С минутной складкой меж бровей.

Насмешница и заводила,
Была у всех ребят в чести
За то, что на каток ходила,
Умела плавать и грести.

— Ах, ну в кого ты только вышла!
В кого? Ей, право, все равно!
У матери на шее висла,
С подругой отпраясь в кино.

Конфетой утоляла голод,
В садах цветы рвала весной,
И был мороженого холод
Всего спасительнее в зной!

Мир был безоблачен и ясен,
Когда она в свое окно
Увидела, как старшекласник
Ее подружку вел в кино.

В чужом саду белела вишня,
Через забор роняя цвет...

Она к воротам даже вышла
И снова им взглянула вслед.

Взглянула —

и пошла неловко,

Вдруг вспыхнув вся и стихнув вся,
Недоуменно сдвинув бровки,
Как будто помощи прося...

НЕВЕСТА

Когда они проходят по бульвару,
Надев под вечер праздничный наряд,
«Нет, все-таки она ему не пара!» —
Подруги с сожаленьем говорят.

И горячо

(быть может, даже слишком!)

Галдят, сойдясь на мнении таком,
Что кажется невеста замухрышкой
В соседстве с синеглазым пареньком.

Ах, милые, ах, мудрые подружки!
До времени вам так и не понять,
Откуда в этой худенькой девчужке
Вдруг появилась царственная стать.

И почему высокий, ладный парень, —
Бессонница девчонок, — почему
За каждый вздох и взгляд ей благодарен
И сам не верит счастьем своему.

В ней, маленькой, нашлась такая сила,
Тот редкий взлет особой красоты,
Которая глаза ему раскрыла
На солнце,

небо,

листья и цветы,

И все миры ликующие эти
Она сама дала ему в удел
За то, что он,
 единственный на свете,
В ней красоту такую разглядел!

РОДНЫЕ

Как хорошо, что есть на свете люди,
Которые, с рожденья зная нас,
За неудачу горько не осудят
И радость с нами делят в добрый час.
На огонек или на чашку чаю
Однажды в год зайдешь на пять минут —
Тебя всегда с любовью привечают
И запросто по имени зовут.
Про жизнь, здоровье справятся сердечно,
И хороши ль, плохи твои дела.
Ты все для них тот мальчуган потешный,
Что сделал шаг от стула до стола.
И ты уйдешь, той ласкою отмечен,
Не так, по правде, ею дорожа.
А через год узнаешь вновь при встрече,
Что вырос и, пожалуй, возмужал.
И в той любви, простой и немудрящей,
Всегда ты юн — хоть до волос седых...
Вы заходите к ним, друзья, почаще —
Ведь с каждым годом все же
меньше их.

Что ту сорочку

сшила им она!

Она сейчас впервой поклон положит,

Покорный, истовый, до самой до земли

Что из того, что бог ей не поможет?

Мы, люди, тоже ей не помогли!

ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

Во всем похож на разночтенье
Рубежный возраст — тридцать лет,
Когда сединам нет почтения
И молодости скидки нет.
Еще живешь под старым игом,
Как прежде, дань отдашь весне,
Но все сильнее тянет к книгам,
К труду, к раздумью, к тишине.
Ты все измеришь новой меркой.
И хоть не бродишь днем с огнем,
Но вечер стал уже проверкой
Того, что нынче сделал днем.
Пускай ошибся, важно — впрок ли,
Во всем теперь не нором — нрав!
Уж если проклят — трижды проклят,
А если прав, то трижды прав.
И ты расстроен и растерян
В разноголосье дум и чувств...
И горько, если день потерян,
А он потерян, если пуст.

1957

* * *

Я люблю эти звезды
 за то, что их видишь ты.
Я люблю этот воздух
 за то, что им дышишь ты.
Я люблю эти песни
 за то, что их слышишь ты.
И цветы я люблю,
 потому что их любишь ты.
Я стыжусь за сердца,
 что позорно блуждают во мгле
И мешают нам
 радостно
 жить и любить на Земле.
Видеть это теперь
 тяжелее мне стало в сто крат —
Словно именно я
 пред тобою
 за все виноват!

В ДОЖДЬ

Клонят ивы стволы кривые,
На реке круги дождевые.

Дождь сильнее, а ветер тише —
Гонит ливень людей под крыши.

Так скорей же, скорее вместе
Без дороги — к домам предместья!

Только, милая, может статься,
Вовсе незачем нам спасаться.

Видно, скрыться не в нашей власти —
От себя, от дождя, от счастья.

У тебя, как будто слезинки,
На ресницах дрожат дождевки.

Это все ничего не значит —
И от счастья, бывает, плачут...

ОДИН ДЕНЬ

Постой, еще не все я досказал!
Ты знаешь, для чего нужны глаза?

Воскресный день. А между тем с утра
Осенний дождик льет как из ведра.
Грязь на дворе. На желтых листьях слизь.
На тротуарах лужи растеклись.
Смеркается часов уже с пяти.
И думать не о чем. И некуда пойти.
Ты на тахте притихла, точномышь.
Отбросив книжку, злишься и молчишь.

О, как же нам сейчас глаза нужны,
Чтоб видеть синь и прозелень весны!
...Уносят вдаль ревущие ручьи
Жестянки, мусор, щепки и лучи.
Плывет кораблик под ребячий свист,
Проклюнулся новорожденный лист.
Прогрохотала и ушла гроза.
И солнце вышло. Солнце бьет в глаза!..
Я — фантазер? А ты не видишь, да?
Что ж, день пройдет.
Но жить-то ведь года!

Нет, подожди, дослушай до конца.
Скажи мне, что ты знаешь про сердца?

Воскресный день. Я в парк пришел с утра.
Вокруг меня лопочет детвора.
Прочел газету и ушел сосед.
Сажу и жду. Тебя все нет и нет.
И сердце я, взъерошенный и злой,
Нарисовал пронзенное стрелой.
Мальчишество? Да нет, плохи дела!
Кровь сразу по рубашке потекла,
Из раны хлещет. Весь пиджак промок.
Хотел подняться, крикнуть — и не смог.
И лоб, и руки холоднее льда.
Не доктора — тебя скорей сюда!

То — день один.
А как прожить года?

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК

У нее родился ребенок.

Мальчик.

Здоровый и громкоголосый,

Еще безбровый и безволосый.

Он растет и крепнет день ото дня.

Соседки восхищаются: — Как пригож!

И на другого,

не на меня

Этот ребенок похож.

Чужой разрез чуть раскосых глаз,

Чужой подбородок, чужие уши.

Ночью

его пронзительный бас

Не мной, а счастливым отцом подслушан.

Из чего он создан?

Из звездной пыли,

Мерцавшей в небе ночном над ними,

Над ними,

которые все забыли

И были

под этим небом —

двоими.

Из трав,

которые вместе они мяли.

Цветов,

которые вместе они рвали,

Зорь,
 которые вместе они встречали, —
Из счастья их
 и моей печали
Родился ребенок.
А мне одарить его нечем.
Хочешь, малыш,
Подарю тебе звездный июньский вечер
На память о встрече с девушкой,
 с тою самой,
Которую ты еще не умеешь назвать мамой.
Травы дарю,
 которые вместе мы мяти,
Цветы,
 которые вместе мы рвали,
Зори,
 которые вместе с нею встречали, —
К счастью моему
И отца твоего —
 печали.
Мало, малыш?
Сам я знаю, что мало.
Ну, что же...
Просто не мог я сыскать ничего дороже.

* * *

Значит, ты ушла, моя любовь...

Из песни.

Любовь прошла по сонным травам,
По жгучим утренним снегам.
И мир в смиренье величавом
Послушно лег к ее ногам.

Ей вслед метнулись крики враньи,
Но кровь цветами расцвела
Там, где, босые ноги раня,
Земной тропой любовь прошла.

Ты красотой ее наполни
Осиротевшее житье.
Все позабыв, ты все помни.
Любовь прошла. Храни ее.

ССОРА

Я от тебя ушел. И здесь, в лесу,
Ничто теперь мне больше не напомнит
Ни глаз твоих, ни слов твоих, ни слез.
От прошлого надежная защита —
Холодное безмолвие деревьев,
Спокойных и бесстрастных, как столетье.
Да. Мне казалось, что прошло столетье
С последней нашей встречи.

Тишина,
Густая, как смола, мне льется в вены,
А высоко на неподвижных ветках
Лежит холодный и блестящий снег,
В котором навсегда застыло солнце.

Так думал я.
И вдруг родился ветер.
Сначала он качнул верхушки сосен,
Слегка пригнул и сразу отпустил,
Наполнив лес негромким смутным гулом.
Потом притих на несколько мгновений
И вдруг,

ударив с яростною силой,
Вцепился в потрясенные деревья.
Круша их

и ломая
и корежа,

Он в иступление бьется о стволы,
Колочей снежной пылью рассыпаясь.

В порывах ветра слышу я твое
Прерывистое жаркое дыхание.
Твой голос слышу, радостный и гневный,
С насмешкой рвешь на мне ты полушубок,
С вершин деревьев собираешь снег
И снег, смеясь, в глаза мои кидаешь —
Пригоршнями в иссеченное сердце.

Ну, что ж! Я понял.
Встану я на лыжи
И сквозь пургу пойду тебе навстречу.
Пусть след за мною вьюга замедляет,
Мне все равно обратно нет дороги.
Я не собьюсь с дороги.
Только б ветер
Мне дул в лицо — сильней, сильней и резче,
И я дойду.
И дверь рвану тугую,
Прижатую февральским лютым ветром,
Ворвусь с метелью в комнату твою
И так скажу:
— Зачем меня звала?
Зачем, смеясь, ты снег в глаза кидала —
Пригоршнями в иссеченное сердце?
Вот я пришел.
И больше не уйду.

СТИХИ О ПРИМИРЕНИИ

Пришла и мне сказала: — Здравствуй!
И словно не было разлуки.
И молоды, как прежде, страсти,
Нежны, как прежде, речь и руки.

Как будто бы, уйдя к другому,
Любовь невзгодами училась
И вот сейчас, вернувшись к дому,
Твердит: — Я просто отлучилась...

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно не кровь, не хлеб, не тело.
Зачем к привычному «вдвоем»
Опять вернуться захотела?

Иль просто вспомнила себя,
Как прежде, юную и злую,
Когда, сомнений не любя,
Крушила их напропалую?

* * *

А он? Что, разве он не жив?
Ну, не в любви — хотя бы в злости.

Иль, разрешенья не спросив,
Он в жизнь твою вошел, как в гости?

Что ж, этого не будет вновь.
Пусть на коленях молят: — Сжался!
Себя жалей, когда любовь
Впускаешь, словно постояльца.

* * *

Открыта дверь. Да, да, входи!
Здесь те же стены и привычки.
Войди, квартиру огляди.
Курить? Вот папиросы, спички.

Уюта нет в моем дому.
Вот — почернела печь от дыма...
Ах, нет! Совсем не потому
Ты здесь была необходима!

* * *

Прощенье... В ком же нет вины?
И в чем оно — в движение, в слове?
Те дни, что были так черны,
Перечеркнем — не надо крови!

Как будто нас живой водой
Вдруг напоили из колодца.
И то, что звали мы бедой,
Лишь давней болью отзовется...

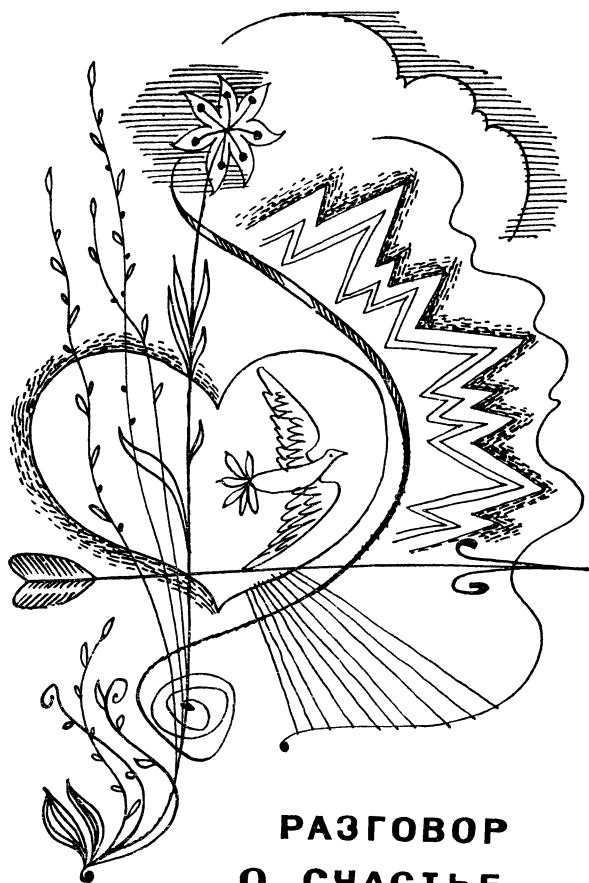
* * *

Не говори мне, что в любви у нас
Первоначальной молодости нет.
Он до сих пор

ни разу не погас —
Тот летний пламенеющий рассвет,
Когда от зоревого холодка
Ты вздрогнула и не пошла домой,
Хотя привычно звали мы пока
И путь, и дом — не наш,
а твой и мой.

Но сердцем, что ли, было решено,
Что этак продолжаться не должно,
И нас с тобою в жизни разлучить —
Как если бы

дышать нас разучить...

**РАЗГОВОР
О СЧАСТЬЕ**

ВСТУПАЮЩЕМУ В МИР

Лёне

Нет «вчера» у тебя —

ты сегодня родился.

И впервые

над детской кроваткой твоей

Наклоняется мать.

Но уже разделился

Шар земной для тебя

на врагов

и друзей.

Ты еще их не знаешь.

Лежишь в колыбели.

Яркий зайчик играет на белой стене...

А за морем,

в чужой и далекой стране,

У тебя есть враги.

И они бы хотели,

Чтобы смех не звенел и глаза не глядели,

Чтоб когда-нибудь

в белой своей колыбели

Ты кричал,

задыхаясь в дыму и огне.

Засыпая,

спокойно лежишь в колыбели,

Яркий зайчик играет на белой стене...

И еще ты не знаешь,
 что в каждой стране
У тебя есть друзья!
 В Сталинграде,
 в Марселе
И в Корее,
 у тридцать восьмой параллели,
В бой за светлое завтра
 выходят они,
Мир и детство твое
 от войны заслонив.
Спи, малыш!
 Осень дали дождями умыла.
За окном
 полыхает закат огневой.
О, как щедро
 Отчизна
 тебя одарила
В этот будничный день,
 день рождения твой!
Это небо,
 на тысячи верст голубое,
Это реки,
 озера,
 леса и поля —
Все твое!
 Ты рожден
 под счастливой звездой,
Под рубиновым светом
 созвездий Кремля.
Спи спокойно, малыш!
 Пусть теплом и любовью
Озаряется
 матери ласковый взгляд.

Мир врагам не взорвать —
над твоим изголовьем,
Первый сон охраняя,
народы стоят!

1952

* * *

В полях опять поземка злая кружит,
Сгибая стебли прошлогодних трав.
Май запоздал. Еще тропкою южной
Он, верно, где-то бродит, заплутав.
На тракторах, стоящих под навесом,
Поблескивает иней серебром.
А где-то там, за синеватым лесом,
И первый дождь, и первый майский гром.
Как трудно солнцу над землею стылой —
Сгонять снега, ломать на реках лед,
Чтоб одарить живительною силой
И каждый лист, и каждый ранний всход.
Но, легкой тучкой в небе повисая,
Горячий от света и дотемна
Весенний день и к нам идет, бросая
В заждавшуюся землю семена!

МАРТ

Кругом снега, но там, под спудом,
Земле зима уже тесна,
Хоть утром, в заморозки, чудом
Еще нам кажется весна.
То станет по-февральски резким
Лихой студеной ветерок,
То, с крыш упав, крошится с треском
Водой источенный ледок.
С утра все ярче над поселком
Холодноватый блеск зари,
Дробится солнце на осколки
И в окнах искрами горит.
От кромки леса четкой тенью
Дорога врезана в снегу —
Туда, где стройные челенья
Плотов лежат на берегу.
В потоках солнечного света,
Средь яркой снежной белизны,
Плоты мне кажутся приметой
И обещанием весны.
Как будто бы уже сегодня
(Лишь час один, лишь миг один!)
Их разом двинет половодье
Рекой, очищенной от льдин.

ПРИЗВАНИЕ

Упала в обморок девушка
в палате номер восьмой,
Где умирал от травмы
один тяжелобольной.
Ее практикантки под руки
вывели в коридор,
А после был между ними
примерно такой разговор:
«Хирург из нее не выйдет.
Какой же хирург она,
Когда при виде больного
становится вдруг больна...»
А дело совсем не в этом.
Просто в привычку ей
Видеть вокруг здоровых,
счастливых во всем людей.
И если сказать по правде,
казалось, что смерти нет,
Студентке второго курса
восемнадцати лет.
Ведь жизнь — это так обычно,
как то, что липы цветут,
Как то, что осенью снова
придет она в институт.
А если ей стало плохо,
это пока не в счет.

Просто любовь к человеку
в сердце ее живет.

* * *

Зданье районной больницы
окнами прямо в сад.
Вот уже вуз окончен
восемь недель назад.
И ей полюбилась сразу,
сурова и нелегка,
Рабочая жизнь и слава
шахтерского городка.
К работе своей привыкла,
в ней — без остатка, вся...
Где-то хлопают дверью,
Приемный день начался.
Голос сестры взволнован:
«На шахте у нас обвал.
У трех шахтеров — ушибы,
один тяжело пострадал...»
И вот у нее в палате
лежит тяжелобольной.
Главный хирург в отъезде,
Надо помочь самой.
Стараяешься быть спокойной —
стыдно перед людьми,
Чему-нибудь в институте
учили же, черт возьми!
Негромкий голос отрывист:
— Зажимы... Шприц... Камфара...
(Как хорошо, что рядом
опытная сестра!)
Так вот где тебе случилось
держаться за себя ответ,

Студентка второго курса
 восемнадцати лет!
Ну, что ж, ты не зря держалась
 тогда за свою мечту...
Последние швы.
 Усталость...
 И лоб в холодном поту.

Уже спокойной походкой
 выходишь ты в коридор,
Тебя встречает в приемной
 немолодой шахтер,
Букет цветов осторожно
 держит он на весу.
— К больному нельзя, товарищ!
 Давайте я отнесу...
Ты видишь, какой теплотою
 лучатся его глаза,
Ты видишь — что-то большое
 он хочет тебе сказать.
— За друга спасибо, дочка,
 Держи-ка, родная, вот!
За то, что любовь к человеку
 в сердце твоём живет...

МОЙ РАЗГОВОР С ПРОФЕССОРОМ

Я, пожалуй, весной
запретил бы экзамены.
Я пришел бы к профессору
и попросил: — Отложите!
Вы поймите:
черемуха в белом неистовом пламени —
В личной жизни студентов
одно из немалых событий!
Согласитесь, профессор,
что, в общем, довольно невесело
Перелистывать книги,
конспекты свои,
Если рядом в саду,
как студент за неделю до сессии,
Повторяют ночами
программу свою соловьи.
Неужели же сердце
у вас сединой заморозило?
Вы прислушайтесь к песне —
ей тесно в стенах общежитий,
На весеннее небо
на майскую робкую прозелень —
Посмотрите на все это
и отложите!
...Встанет с кресла профессор
и, книжные полки минуя,

Выйдет, тростью стуча,
на залитое солнцем крыльцо.
А забытая молодость
вдруг подберется вплотную
И заглянет в лицо.
С головой непокрытой
он будет стоять, седовласый,
Озираясь вокруг
из-под строгих опущенных век,
И задумчиво скажет:
— Не вижу больших разногласий
Меж природой
и жизнью людей, молодой человек!
А весна отзовется
в груди его сердцебиеньем,
Светлой памятью встреч
и пройденных когда-то дорог,
И на тополе юном
профессор неловким движеньем
Осторожно расправит
примятый зеленый листок.
Он пройдет по аллее
спокойно и неторопливо
Там, где яблони цвет свой
роняют на буйном ветру,
И негромко заметит:
— Да, все это очень красиво,
Но ведь эта поэзия —
самый настойчивый труд.
Но ведь разве весна —
только миг быстротечный цветенья?
Зрелость спелых плодов —
вот минувшей весны торжество!

Ну, а молодость...

Ваше пред ней восхищенье

Мне понятно, мой друг.

Я всю жизнь разделяю его!

ЛЕТО

Гудок. И ветер за окном.
И вдалеке едва виднеется
Перрон под солнцем и дождем
И выцветший флажок путейца.
И вот уже неразличим
За далью роц, лугов, полянок,
Вдруг ставший в пять минут родным,
Мелькнувший мимо полустанок.
И хоть ты здесь не рос, не жил,
Но словно на себя в обиде,
Что эти травы не косил,
Людей, живущих тут, не видел.
И словно новой встречи ждешь
Вот с этим утром, с этим краем,
Что на любой другой похож
И потому — забываем.
Какой-то строгой красотой,
Тебе почти с рожденья милой,
Он навсегда достоин той
Любви,

что грудь твою щемила...

А по некошеным лугам,
Шумя листвою и беспокоясь,
Березки тоненькие к нам
Бежали, догоняя поезд,

Махали ветками, отстав,
И мы увидели впервые,
Как на цветах, на стеблях трав
Дрожали капли дождевые.
Сквозь теплый воздух голубой,
Сквозь буйные потоки света
Все дальше мы везли с собой
Цветами пахнущее лето...

Я НА ПОМОЩЬ ЗОВУ ВЕСНУ

Я на помощь зову весну,
Яблонь снежную белизну,
Первый бег ручейков к реке,
Первый ландыш в твоей руке,
Первых трав чуть приметный рост,
Первых радуг стоцветный мост,
Неба яркую синеву

Я на помощь себе зову!
Нужно мне, чтоб весенний гром
Прогремел над твоим окном
И, дождями пахнув, гроза
Заглянула в твои глаза.
Пусть, как огненные мечи,
Солнце в речках скрестит лучи
И зажжет на листе берез
Искры-капли прозрачных рос.
Ты увидишь, как день хорош,
Засмеешься и вдруг поймешь:
Этот буйный весенний дождь —
То как раз,

что ты годы ждешь.

Эта яблоня так бела,
Чтобы счастлива ты была,
Чтоб весна и тебя нашла!

ВСЕ РАВНО Я ТЕБЯ НАЙДУ

Иль на радость, иль на беду
Все равно я тебя найду!

Отразится в реке закат,
Солнце выглянет из-за туч —
Я поймаю твой робкий взгляд,
Как река — золотистый луч.

Ты без тропок пройдешь босой
По росистым еще лугам.
Чистой, словно слеза, росой
Прикоснусь я к твоим ногам.

Убежишь ли ты в сад густой,
Ожидая неожиданных встреч,
Молодой, как весна, листвою
До твоих я дотронусь плеч.

Ветром, звездами иль дождем
Все равно я с тобой вдвоем,
Никуда тебе не уйти,
Всюду ты на моем пути.

Ведь на радость, не на беду
Я ищу тебя
и найду!

НА ВОКЗАЛЕ

Плавню тронулся с места скорый,
И на стыках стучит состав,
Добрым басом у семафора
В утешенье пророкотав.

На платформе тележку грузят,
Где-то песню поют вразброд,
Снова женщина в синей блузе
Мокрой тряпкою стекла трет.

Словно все еще из окошка
Мне косынкою машешь ты,
Та же девочка в босоножках
Продает по рублю цветы.

А по строгому распорядку,
Зная каждой минуте счет,
Объявляют уже посадку
На состав, похожий на тот.

И мне кажется поневоле
Блеск чужих напряженных глаз
Отраженьем все той же боли,
Что недавно была у нас...

О РАЗЛУКЕ

Я стал годами старше, сердцем строже,
Но так же дума о тебе ясна.
Мне, как и прежде, весен всех дороже
Короткая уральская весна —
Огни судов, бегущие по Каме,
Весенний гул встревоженной воды
И на тропинке, врезанные в память,
Твои едва приметные следы.
Наверно, было нам необходимо
Навек запомнить эти вечера,
Пологий берег и полоску дыма
От позднего рыбацкого костра...
Но и теперь нам та весна укажет
К счастливой встрече верные пути.
Я в это верю. А иначе как же
Разлуку смог бы я перенести?

ПИСЬМО

Осень мокрыми ветками
 к окнам притворенным клонится,
Застучит по стеклу,
 а посмотришь — не видно ни зги.
Снова дождь на дворе.
 Он привычен мне стал, как бессонница.
Как тоска по тебе,
 хоть беги от нее не беги.
В сутках двадцать четыре часа.
 Никакого сомнения —
Все они сговорились
 и медленно сводят с ума.
Есть же счастье на свете!
 В почтовом любом отделении
Многим людям дают его
 в виде письма.
Только ты все не пишешь,
 И можно дойти до отчаянья.
Мне все чаще мерещится
 всякая дикая чушь.
Что угодно, что хочешь,
 но лишь не тупое молчание —
Осторожность трусливых,
 весны не изведавших душ!
Ты была не такая.
 Упрямая, злая, капризная,

Может быть, легкомысленна,
 может быть, просто — легка,
Но ты светом весенним,
 ты солнцем горячим пронизана,
От волос и до тапочек
 мне бесконечно близка.
Только ты не подумай,
 что я буду счастье вымаливать.
Просто к горлу подходит
 какая-то горькая злость.
Значит, сам виноват,
 значит, жгучее марево
Мне увидеть еще раз
 в нелегком пути довелось...
Начинает светать.
 В сизой дымке деревья и здания.
Я навстречу рассвету
 свое раскрываю окно,
Скоро солнце взойдет.
 Дорогая моя, до свиданья —
Я уверен, что все-таки,
 все-таки будет оно!

* * *

Теперь мне кажется чудом,
Что ты, отложив дела,
Назло любым пересудам
Часами меня ждала.

Скорей уйти за ограду
Спешила на тихий стук,
Забыв про косые взгляды
Любимых твоих подруг.

Над нами в июньской дали,
Сердясь, ворчала гроза.
Мы только туда шагали,
Куда глядели глаза.

И нам невдомек, что вечно
Они выдавали нас
Всем встречным и поперечным
В саду, на пляже заречном,
У театральных касс.

И вот обо всем, что было,
Всему, что было, назло
Ты говоришь:

— Забыла!

Ты говоришь:

— Прошло!

А я забывать не буду,
Забыть и тебе не дам.
Пусть все это было чудо.
Но я его видел. Сам.

* * *

И вдруг поймешь, что боль уже утихла,
Увидишь под окном снежочек рыхлый,
Поля в сугробах, перелесок синий
И на ветвях берез мохнатый иней.
Легко дышать и любо жить на свете,
Скользить на лыжах к дремлющей реке.
Снежинки тихо тают на щеке.
Как хорошо сегодня: снег да ветер!
И мне не жаль, что где-то там, далече,
Твоя рука лежит в чужой руке...
Ты — как лесок, что мне попал навстречу
И вот уж чуть темнеет вдалеке.

КАСКА

В болоте за Ржевом валяется каска.
Ее облепила зеленая ряска,
И свастики крест не видать из-за вмятин,
Пробоин и бурых подтеков и пятен.
Когда-то владельцу была она внове,
Наденет — красиво и грозно — по брови.
В ней любо под грохот ликующей меди
Нах Вестен, нах Остен — к победе, к победе,
В добротной — поротно по Бельгии топать,
На ней не осядет окопная копоть!
Быть может, ту каску видали в Париже:
Одни перед нею сгибались пониже,
Сжав зубы, другие припомнили снова,
Что все ж «партизаны» — французское слово!
В те годы, в те грозы ничуть не померкла
Сталь каски фашистской в пожарах Дюнкерка.
Не в желтых песках Аравийской пустыни —
За городом Ржевом, в болотной трясине,
Та каска, ржавая, валяется ныне!
Пусть вспомнит об этом, кто сызнова в Бонне
Хотел бы ее приспособить для бойни,
Подкрасить, надраить до блеска, до глянца
И снова — на голову новобранца,
И в спину прикладом — нах Вестен, нах Остен,
По старым дорогам, по новым погостам...

гор. Ржев,
1953

* * *

Я просто хочу, чтобы ты жила,
Чтобы твой дом не сгорел дотла,
Чтоб поле за речкой и этот сад
Не искромсал бы крошечный ад...

Синее небо — тебе к лицу,
Золото хлеба — тебе к лицу.

Я от войны тебя сберегу.
Я даже представить себе не могу,
Что можешь ты мертвой лежать на снегу,
Что горе надломит гордую стать,
Что ты не успеешь матерью стать...

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ

Может быть, для счастья мне и надо
По лесу с ружьем ходить и вдруг
Услыхать за шумом листопада
Крик совы и дятла перестук.
Осень встретит запахом смолистым,
Робким звоном ручейка во рву,
С огненной окалиною листья
Упадут на прелую траву.
Вьется тропка то с горы, то в гору,
За кусты, чернеющую гать.
А кругом такая тишь, что впору
И о самом главном помечтать.
Да, о счастье!

Ведь, пожалуй, с детства
Я к нему, как к должному, привык.
Мной оно получено в наследство,
Как свобода,

родина,

язык.

Если на полях пшеница зрела,
Если город рос в лесу глухом,
То своим считал я кровным делом
Каждый колос, каждый новый дом.
Даже там, где я ни разу не был,
Все — родное мне.

И я хочу,
Чтоб была под нашим мирным небом
Мне любая радость по плечу.
Я хочу дождя полям зеленым,
Быстроглазых внуков — старикам,
Доброго согласия — влюбленным,
Хлеба — пашням,
лова — рыбакам.

Всем, кто счастлив,
я товарищ тоже,
Потому что все-таки не зря
Мною день на белом свете прожит,
День,

а не листок календаря!
...Под ногой хрустит сухая ветка,
С озера ползет белесый дым.
Я, пожалуй, помнил слишком редко,
Что бывает день еще таким:
С ветром, пробежавшим по березам,
С ночевой у лесника в избе,
С молодым предутренним морозом,
С думою о счастье
и тебе...

СОДЕРЖАНИЕ

Я — с Урала

Я — с Урала	7
Чердынь Великая	10
Старая Пермь	12
Плач о Кронштадтском полке	14
Рябчики (Чердынская быль)	16
Студенты 41-го года	20
Россия	22
Письмо матери	23
25 января 1967 года	24
Стихи о семейной жизни	26
Метель	27
Исход	29
Баллада о родном доме	30
«Ты кому улыбки раздавала?..»	32
Апрельские стихи	33
Ивакинский конторщик	34
Прогулка по Каме	36

Под звездами

Под звездами	41
В утренней электричке	43
От нас уходят старшие	45
«Для сына я — сильнее всех на свете...»	47
Трактористка	48
Орехи	50
Старый поселок	52
В конторе выдают зарплату	54
Приехали финны	56
Ливень	58
У сельских учительниц	59

В клубе сегодня танцы	61
В районной гостинице	63
За пылью дорог	65
«Идет весна-распутица...»	68
«Есть дома-нелюдимы...»	69
Добро	70
Уличная история	72
Модный писатель	74
«И все-таки мы в смерть родных не верим...»	75
Осинки	76
Апрель	77
Из лирического дневника	79
«Я становлюсь беднее с каждым днем...»	81

Просека к солнцу

Урал	85
Кама	87
Просека к солнцу	89
Суда идут в верховья	92
Кува осенняя	95
Из прошлого	97
На лесовозной дороге	98
Однорукий печник	99
Две весны	101
Быстрые ручьи	104
«Я не люблю очередей...»	106
«Сентябрьским утром выйди, посмотри...»	107
Частушка	108
Удача	109
Мать и сын	110
Молодые солдаты	112
Поздняя встреча	114
Девчонка	116
Невеста	118
Родные	120
Первый поклон	121
Тридцатилетие	123
«Я люблю эти звезды...»	124
В дождь	125
Один день	126
Чужой ребенок	128

«Любовь прошла по сонным травам...» . . .	130
Ссора	131
Стихи о примирении	133
«Не говори мне, что в любви у нас...» . . .	135

Разговор о счастье

Вступающему в мир	139
«В полях опять поземка злая кружит...» . . .	142
Март	143
Призвание	144
Мой разговор с профессором	147
Лето	150
Я на помощь зову весну	152
Все равно я тебя найду	153
На вокзале	154
О разлуке	155
Письмо	156
«Теперь мне кажется чудом...»	158
«И вдруг поймешь, что боль уже утихла...» . . .	160
Каска	161
«Я просто хочу, чтобы ты жила...»	162
Разговор о счастье	163

**Владимир Ильич
Радкевич**

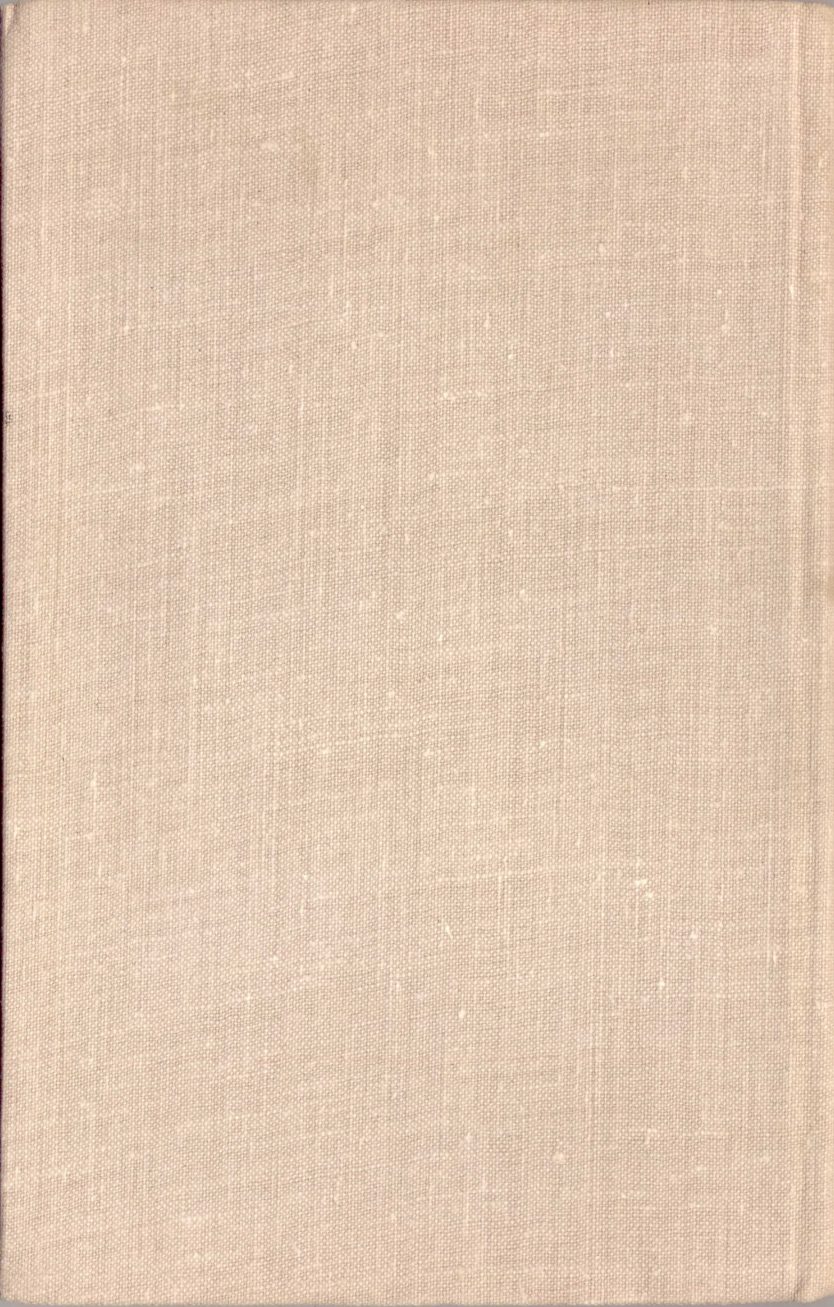
Уральская лирика

Художник
Е. И. Нестеров.

Редактор **С. М. Гинц.** Художественный редактор **М. В. Тарасова.** Технический редактор **А. И. Карасев.** Корректор **В. И. Чувашов.**

Сдано в набор 19/IX-68 г. Подписано в печать 21/XI-68 г. Формат бум. мелован. 70×90¹/₃₂. Бум. л. 2,625. Печ. л. 5,25 (усл.-прив. 6,1425). Уч.-изд. л. 4,65. ЛБ01071 Тираж 10 000 экз. Цена 66 коп.

Книжная типография № 2 управления по печати. Пермь, Коммунистическая, 57. Зак. 1351.
Книжное издательство. Пермь, К. Маркса, 30.

БЛАДНА ДИВНА • ХРАТА БИСОТНА РИСТА

